

ций²²⁵. С такой теорией „традиционализма“ никак нельзя согласиться. Разумеется, во все периоды византийской истории имела место классовая борьба и в городе, и в деревне. Она, однако, не была развитием ранних демократических традиций, а вытекала из конкретных общественных условий: из усиления эксплуатации, из изменения форм ренты, из последствий чрезвычайно напряженной внешней политики и т. д. Димы выросли в совершенно иной социально-экономической обстановке, нежели партия зилотов. В них участвовали не только крупные торговцы, предприниматели или чиновники, но и крупная землевладельческая знать²²⁶. В конце IX — начале X в. димы уже не имели никакого политического значения. Димархам осталась чисто декоративная роль при императорском дворе. На этот отмирающий институт зилоты не могли опереться. Что касается ремесленных коллегий, то их нельзя сопоставлять с западноевропейскими цехами, ибо это были принудительно созданные корпорации, которые находились под постоянным контролем эпарха. Эпарх регламентировал не только производство, но и сбыт. Он назначал цену, определял рабочее время и размеры оплаты помощникам. Каждая корпорация должна была производить только определенный вид товара. Так, например, ювелиры могли производить только изделия из золота, серебра и благородных камней, но не предметы из меди или других металлов. Никто не имел права выйти из корпорации без согласия эпарха²²⁷. Подобные коллегии едва ли имели возможность хранить демократическое наследие. Кроме того, источники XIV в. ничего о них не сообщают. Остается указание на свободные крестьянские общины. Исследовав соответствующие документы, Б. Т. Горянов высказывает мнение, что они продолжали существовать вплоть до гибели государства. Но, несмотря на сопротивление, они все больше облагались податями²²⁸. Вероятно, сохранение их объясняется тем, что в основе структуры византийской деревни лежала именно община, а не господская усадьба. Это вытекало из характера поселения. Византийское сельское поселение (большая или малая деревня, хутор) представляло собой естественный центр, из которого или недалеко от которого вырастала помещицья усадьба. Последняя была не в состоянии поглотить деревню, так как она не являлась единым хозяйственным комплексом, объединяющим вокруг себя одну или несколько деревень, но, наоборот, сама находилась внутри деревни и занимала только часть ее территории. Она граничила как с другими феодальными владениями, так и с хозяйствами свободных и зависимых крестьян²²⁹. К тому же коренного различия между свободной крестьянской общиной и деревней париков не было. И та и другая влачили жалкое существование без всяких перспектив роста, без всякого технического прогресса, находясь в зависимости от продажных и ненавистных чиновников. Государство не заботилось о сбыте

²²⁵ Р. Браунинг. Ук. соч., стр. 524.

²²⁶ Ср. А. Мариск. La durée du régime des partis populaires à Constantinople. „Bulletin de l'Académie Royale de Belgique“, vol. 35, 1947, p. 63 sq; ergo же. Fractions du cirque et partis populaires. „Bulletin de l'Académie de Belgique“, vol. 36, 1950, p. 376 sq.

²²⁷ М. В. Левченко. История Византии... стр. 200 сл. В отличие от этого, Г. Миквиц (G. Mickwitz. Die Kartellfunktionen der Zünfte und ihre Bedeutung bei der Entstehung des Zunftwesens. „Societas scientiarum Fennica. Comm. hum. litt.“, VIII, 3. Helsingfors, 1936, S. 140) пытается доказать, что столичные цехи были привилегированными.

²²⁸ Б. Т. Горянов. Крестьянство... стр. 45—50. Свободное хозяйство (ὁπόστασις ἐλευθέρη) Иоанна Каравы и его собратьев (τῆς ἀδελφότητος) в районе Солуни упомянуто в императорском дипломе Хиландарскому монастырю от 1317 г. (F. Dölger. Aus den Schatzkammern... S. 41).

²²⁹ А. П. Каждан. Аграрные отношения, стр. 198.